

Задержание корейских браконьеров в Японском море, в ходе которого пострадали сотрудники береговой охраны ФСБ России, на некоторое время вошло в ТОП-лист основных международных новостей. Между тем ситуация с незаконным ведением промысла, сложившаяся в текущем году на банке Кито-Ямато, уникальной не является. С ней довелось столкнуться экипажу пограничного сторожевого корабля «Дзержинский», который постоянно базируется в Петропавловске-Камчатском.

Летом 2012 года ПСКР получил задачу прийти на помощь коллегам из Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю.

Службу предстояло нести в Японском море, в районе банки Кито-Ямато, на акватории которой сходятся экономические зоны Японии, КНДР и России. Здесь с незапамятных времен летом и ранней осенью ведется промысел кальмара.

Японское море встретило «Дзержинский» духотой тропической жары и свирепым солнцем, которое за пару часов накаляло палубу до такой температуры, что от ее обжигающих приветов не защищали даже подошвы обуви. Липкая, словно в бане, духота не позволяла поначалу использовать даже корабельный вертолет, но летчики быстро нашли способ поднять машину в воздух и затем весьма эффективно помогали морякам. Авиаторы начинали полеты с восходом солнца, пока стояла относительная прохлада, обеспечивая моряков точными и подробными данными об обстановке в районе несения службы.

Привыкшему к северной прохладе экипажу «Дзержинского» первые две-три недели дались особенно нелегко, пока моряки в некоторой степени не адаптировались к тропическим особенностям приморского лета. Климатические трудности дополняла предельно напряженная оперативная обстановка. Трудно где-либо еще найти такую плотность добывающего флота на квадратную милю акватории, как на банке Кито-Ямато в период промысла кальмара.

По ночам рыбаки включали яркие лампы, привлекающие живущих на глубине головоногих моллюсков, и тогда над районом активного лова поднималось зарево, словно от огней циклопического мегаполиса.

Промысел на банке Кито-Ямато в основном вели рыбаки КНДР и их китайские коллеги, но также по северокорейским квотам. За сотни миль от берега в погоне за кальмаром рыбаки, имея только неточные карты и магнитный компас, выходили на лодках, на которых разумный человек не отважится отправиться даже в прибрежное плавание. Встречались суда и покрупнее, особенно китайские, но они, скорее, исключение из правил, чем правило.

Рыбаки, вовлеченные в промысловую лихорадку, границ не замечают. Ежегодно приморские пограничники задерживают в территориальном море России десятки разнокалиберных иностранных судов. Экипажи мотоботов депортируют за счет российских бюджетных средств на родину, а многочисленных представителей «москитного» промыслового флота ввиду отсутствия в них даже минимальной функциональной ценности, чтобы не захламлять побережье, сжигают. Подобная картина повторяется ежегодно.

Первый северокорейский мотобот, обнаруженный в российском территориальном море, радиометристы ПСКРа из-за крохотных размеров поначалу приняли за буй, но, заметив, что цель хоть и медленно, но все-таки движется против ветра, решили взглянуть на возмутителя радиолокационного спокойствия.

Вскоре сигнальщики корабля разглядели прыгающую на волнах трехметровую джонку, оснащенную слабеньким мотором. Находилась она в открытом море, почти в 330 км от территориальных вод КНДР.

Трое северокорейских рыбаков выставили примитивную сеть, приблизительно такой пользовался старик в известной сказке Александра Пушкина, с той лишь разницей, что тот охотился за золотой рыбкой, а эти ловили кальмаров. Как потом пограничники узнали, ими же труженики моря и питались. В желудки корейских рыбаков моллюски отправлялись без тепловой обработки, лишь слегка окропленные соевым соусом.

Для сдачи выловленного кальмара мотоботы периодически подходили к судам-маткам, которые терпеливо дожидались их у кромки исключительной экономической зоны России. Все остальное время лодки и их обитатели оставались предоставленными только своей удаче и капризам моря.

В мотоботах, кроме самих восточных тружеников моря, находились сети, канистры с керосином, пресной водой и магнитный компас. Ни на каком языке, кроме корейского, рыбаки общаться не могли. Впрочем, на первом из задержанных мотоботов моряк, носивший на груди в качестве отличительной приметы старшинства значок с изображением Ким Ир Сена, все-таки сумел по-русски произнести: «Ленин, Сталин, СССР»...

На «Дзержинском» не знали, как поступить с бедолагами – не тратить же тонны топлива и драгоценное время, конвоируя лодку в ближайший российский порт. Связались с Находкой и поступили так, как им посоветовали – отправили мотобот, снабдив его экипаж нормальными продуктами, в экономзону КНДР.

Вскоре радиометристы «Дзержинского» фиксировали малые цели десятками. Завидев ПСКР, корейские джонки с черепашей сноровкой, которую позволяли развивать их чихающие допотопные двигатели, уходили в национальные воды. Впрочем, при первой возможности они возвращались в российскую экономзону, которая, не имея такого мощного промыслового прессинга, как у соседей, оделяла корейских рыбаков щедрыми уловами.

Многие из нарушителей, с которыми довелось столкнуться экипажу «Дзержинского», вели себя по отношению к пограничникам откровенно враждебно. Осмотровые группы корейские рыбаки встречали и ножами, и увесистыми палками, утыканными, как средневековые палицы, гвоздями...

Всего за время несения службы в Японском море обе осмотровые группы «Дзержинского» высаживались на иностранные суда около шестидесяти раз...

Четыре судна – по два китайских и корейских – пришлось задержать и отконвоировать в Находку.

Для остановки первой шхуны из КНР «Чже Тай Юй», имевшей бортовой номер 8695, оружия применять не пришлось. Экстремальность ситуации ограничилась истерикой

китайского капитана, которую он закатил, поняв, что ответственности за нарушение границы и браконьерский промысел ему не избежать. Наказание, которое вынесет российский суд, рыбака почти не беспокоило. Истерику вызвала перспектива решения Фемиды в родной стране.

Официальные власти КНР с крайним раздражением относятся к нарушениям, подобным тем, что допустил «Чже Тай Юй», и наказание для капитана может оказаться предельно строгим, вплоть до расстрела.

Задержание китайской шхуны, имевшей на борту 60 тонн незаконно добытого кальмара, произошло 15 июля. «Дзержинский» застал судно из Поднебесной в тот момент, когда оно вело промысел кальмара в российской экономзоне. ПСКР, зайдя со стороны корейского берега, отрезал шхуне пути отступления.

Вечером тех же суток «Дзержинский», передав «Чже Тай Юй» приморским коллегам для конвоирования, вернулся на банку Кито-Ямато.

Ночь прошла спокойно. Душное влажное утро в плотной драпировке тяжелых и низких туч подступало осторожно, не торопясь разогнать сумрак. Сигнальщики, осматривая доступную их взорам акваторию, видели лишь пустынное свинцовое море, которое сливалось с такого же цвета небом всего в трех десятках кабельтовых от корабля. Но на «Дзержинском» знали, что где-то там, за маревой взвесью крошечных капель, идет активная добыча кальмара, о чем вскоре и доложили на главный командный пункт радиометристы ПСКРа.

В 11 часов 4 минуты на удалении 135 кабельтовых (около 25 км. – **Здесь и далее прим. ред.**) от корабля в исключительной экономической зоне России они обнаружили две цели, которые, если судить по характеру их движения, вели промысел. Командир корабля принял решение идти к выявленным судам.

Спустя полчаса после начала движения «Дзержинского» радиометристы доложили, что теперь они наблюдают на экране РЛС, кроме двух прежних целей, еще сорок одну засветку, по-видимому, от мотоботов.

Первой из влажного марева на дистанции около 3 миль (около 5,6 км) выплыла рыболовная шхуна. В 11 часов 45 минут командир корабля в первый раз попытался связаться с ней по радио. Шхуна на появление ПСКРа отреагировала предсказуемо: начала набирать ход, стремясь покинуть российскую экономзону.

«Дзержинский», выйдя на полный ход, быстро догнал беглецов. В бинокли уже удалось разглядеть не только написанное большими иероглифами на корме, возле самой ватерлинии, название судна, но и меньшую английскую транскрипцию на рубке.

От пограничников пыталась уйти китайская шхуна «Лу Жун Юй 80117». Над ее рубкой капитан неизвестно с какой целью распорядился поднять российский флаг.

Корабль, после того как сократил дистанцию с беглецами до 6 кабельтовых (около 1,1 км), несколькими короткими сигналами sireны попытался образумить капитана, но тот скорости не сбавил и в радиоэфир не вышел.

Поднятый на мачте «Дзержинского» флаг Лима, требовавший от китайского капитана немедленно остановить судно, действия также не возымел. На палубе шхуны никто не появился, она продолжала двигаться прежним курсом.

Командир «Дзержинского» приказал поднять на мачте другой международный сигнал SN, два флага которого, согласно международному своду сигналов, призывали капитана рыболовного судна «немедленно остановиться, не пытаться уйти, не спускать шлюпки, не вести переговоров по радио», а также предупреждали, что в случае неповиновения ПСКР может открыть огонь.

Все визуальные сигналы дублировались по радио, корабельная сирена с интервалом в несколько секунд продолжала взывать к благоразумию рыбаков, но все напрасно.

Характер действий убегающей шхуны не изменился, если не считать, что судно, после

того как «Дзержинский» подошел к нему вплотную, начало опасно маневрировать.

Китайский капитан пытался то протаранить российский корабль, то подставить под удар собственные борта или корму.

Но, если ПСКРу, кораблю первого ранга, такие маневры грозили лишь небольшими повреждениями, в худшем случае – локальными пробоинами, то для инициаторов этой опасной игры они могли обернуться гибелью.

Благодаря мастерству экипажа «Дзержинского» катастрофического варианта развития событий удалось избежать. Нейтрализуя опасные и самоубийственные действия китайских рыбаков, ПСКР в течение трех с половиной часов погони за браконьерской шхуной совершил около 360 реверсов, то есть в среднем каждую минуту кораблю приходилось по два раза менять курс, работать машинами на задний ход... Трагедии, впрочем, избежать не удалось.

Около 14 часов приморского времени шхуна, идя чуть впереди «Дзержинского», в очередной раз резко изменила курс. Китайский капитан направил свое судно под форштевень пограничного корабля, который превосходил шхуну по высоте по крайней мере в три раза. Несложно представить, что могло произойти уже в следующую секунду. На «Дзержинском», к великому счастью рыбаков, сумели своевременно отреагировать на очередной самоубийственный маневр китайского капитана. Но своевременно – не значит мгновенно. Корабль, заключающий в себе тысячи тонн стали корпуса, переборок, машин, механизмов и оружия, имеет немалую инерцию хода. Остановиться мгновенно он не в состоянии. По этой причине полностью навала на шхуну избежать не удалось.

Избегая столкновения, «Дзержинский» зацепил форштевнем край кормы китайского судна. Я видел видеозапись этого эпизода. Вначале представилось, что и этого касания, которого на ПСКРе почти не почувствовали, хватило для гибели шхуны: ее корма, промысловая палуба, половина рубки скрылись под водой. Затем, когда казалось, что все кончено, судно медленно, но все-таки вырвалось из губительных объятий моря. Однако стремительные потоки воды, прокатившиеся по палубе шхуны, увлекли с собой за борт двух китайских рыбаков. Одному из них удалось зацепиться за канат, свисавший с кормы промыслового судна. По нему он затем забрался на шхуну. Второй рыбак оказался в воде.

Командир пограничного корабля, заметив происшествие, тут же дал команду застопорить ход. Капитан китайского судна примеру российского коллеги не последовал. Шхуна не остановилась для спасения упавшего за борт члена экипажа. Ценой его жизни китайский капитан надеялся оторваться от «Дзержинского».

ПСКР прекратил погоню. С корабля спустили катер, на нем тщательно обследовали место происшествия. Около получаса длился поиск рыбака, но найти его пограничники не смогли. Он то ли плавал неважно, то ли получил травму, но, судя по всему, китаец не продержался на воде и пяти минут.

«Дзержинский» продолжил преследование...

Трагическое происшествие с гибелью рыбака, в котором ярко проявились беспринципность и циничность капитана убегающего судна, окончательно убедили командира ПСКР в необходимости принять крайние меры для остановки шхуны, тем более что к этому времени «Дзержинский» уже открывал предупредительный огонь.

Первые выстрелы прозвучали около 30 минут пополудни. Они не заставили китайского капитана подчиниться российским пограничникам. Шхуна упорно, вопреки всем предупреждениям, стремилась уйти от погони.

После трех часов преследования осмотровая группа предприняла попытку высадиться на ходу с лодки, идущей параллельным курсом со шхуной. Китайские рыбаки, вооружившись кусками водопроводных труб, не позволили пограничникам этого сделать. Некоторые из членов команды шхуны оказались настолько агрессивны, что готовы были перепрыгнуть на катер осмотровой группы. Остановил рыбаков только предупредительный выстрел из пистолета.

Катер с осмотровой группой вернулся к «Дзержинскому».

Пограничники вели стрельбу сигнальными ракетами по курсу движения шхуны, пытались из пожарных гидрантов залить выхлопные трубы судна, еще раз открыли предупредительный огонь... Ничто не могло поколебать безумную решимость китайского капитана...

До границы российской экономзоны оставалось совсем немного. Китайский капитан, наверное, уже полагал, что промысел в чужих водах сойдет ему с рук, но в запасе у «Дзержинского» имелся еще один веский аргумент.

В 14 часов 32 минуты командир корабля получил разрешение от начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю открыть стрельбу на поражение. Прежде чем реализовать свое право на выстрел, «Дзержинский» еще раз задействовал весь арсенал сигналов и предупреждений об остановке, вновь прозвучали предупредительные выстрелы из малокалиберной артиллерийской установки. Во Владивосток начальнику Пограничного управления по Приморскому краю ушел доклад: «Судно на сигналы не реагирует, требования об остановке не выполняет, продолжает идти максимальным ходом...»

Оставался один выход: стрельба на поражение. Огонь открыли в 15 часов 27 минут. Только 11 попаданий в корму заставили шхуну лечь в дрейф. Никто из рыбаков от огня российских пограничников не пострадал. До кромки экономзоны России промысловому судну оставалось пройти около 4 миль (примерно 7,4 км).

Китайский капитан был абсолютно уверен, что ему удастся уйти от российских пограничников, поэтому он не посчитал нужным во время многочасовой погони избавиться от браконьерского улова.

В экономзоне нашей страны «Лу Жун Юй» добыл около 30 тонн кальмара. Такой оказалась цена человеческой жизни.

Внешнеполитическое ведомство Китая вначале выразило озабоченность происшествием в Японском море, но после того, как российская сторона представила доказательства правомерности действий «Дзержинского», в Пекине посчитали конфликт исчерпанным. Камчатскому ПСКРу больше не пришлось фиксировать нарушений со стороны китайских

судов, чего не скажешь об их корейских коллегах.

С 19 по 24 июля «Дзержинский» находился в Находке. Пока корабль бункеровался водой и топливом, пополнял другие запасы, командир корабля давал объяснения по поводу открытия огня на поражение сотрудникам военной прокуратуры. Они безоговорочно признали действия «Дзержинского» правомерными и адекватными сложившейся обстановке.

Корабль вернулся на службу. 11 августа с «Дзержинским» связались российские инспекторы-наблюдатели с южнокорейских судов. Они сообщили координаты района, в котором рыбаки из КНДР вели незаконный промысел. Для проверки полученной информации подняли в воздух вертолет. Летчики подтвердили сообщение, полученное от инспекторов, – в российской экономзоне корейское судно принимает уловы от мотоботов.

Появление вертолета не испугало рыбаков. Во всяком случае, когда «Дзержинский» подошел, шхуна продолжала стоять на якоре и принимать кальмар с двух пришвартованных к ней джонок.

Капитан держался достаточно спокойно и после того, как к нему в рубку поднялась осмотровая группа российских пограничников. В отличие от простых рыбаков кое-какие познания в английском языке у него имелись. Опираясь на скромные лексические способности, капитан объяснил, что вины за собой никакой не чувствует, дескать, на этом месте корейцы с незапамятных времен добывали кальмара, а потому пограничникам лучше вернуться на свой корабль.

У осмотровой группы на этот счет, разумеется, имелись собственные планы, которые с корейскими пожеланиями решительно не совпадали. Капитан, поняв, что пограничники шхуну покидать не собираются, подал отрывистую команду. Вслед за ней на промысловую палубу высыпали около 80 воинственно настроенных рыбаков. В этот раз конфликтную ситуацию удалось разрешить относительно мирно. Рыбаки поспешно покинули промысловую палубу после того, как осмотровая группа открыла предупредительный огонь из автомата Калашникова.

Узнав об инциденте, командир корабля направил на шхуну еще нескольких вооруженных пограничников, чтобы усилить осмотрную группу и окончательно лишить рыбаков соблазна решить конфликт силовыми методами. Получив подкрепление, смотровая группа приступила к нормальной работе...

Корейский капитан продолжал утверждать, что он ничего не нарушал, но акт с указанием координат, в которых он вел промысел, все-таки подписал. Дальнейшие разбирательства проходили с ним в Находке, куда шхуну отконвоировало пограничное патрульное судно «Шкипер Гек».

Агрессивность корейской команды моряки «Дзержинского» вначале посчитали недоразумением, пока ситуация не повторилась.

13 августа в 8 часов утра радиометристы корабля обнаружили очередную северокорейскую шхуну. Она находилась в исключительной экономической зоне России, в 10 милях (чуть более 18 км) от границы ИЭЗ (исключительная экономическая зона) КНДР. Близость к своим водам придала капитану корейской шхуны дополнительный стимул в начавшейся погоне. На «Дзержинском» тоже понимали, что судно-нарушитель может менее чем за час добраться до национальной экономзоны и там затеряться. Не имея запаса времени, командир корабля вынужден был пойти на некоторый риск, приняв решение о высадке осмотрной группы с лодки на ходу.

На скорости 10 узлов (около 18 км в час) четверо пограничников запрыгнули на борт шхуны. Корейцы оказались застигнутыми врасплох. Они не ожидали, что погоня завершится так быстро, но встретили пограничников, что называется, во всеоружии – теми самыми утыканными гвоздями дубинками, о которых я упоминал выше.

Завязавшаяся на палубе небольшая, но ожесточенная схватка завершилась в пользу пограничников. Дверь в ходовую рубку, за которой укрылась четверка старших офицеров шхуны, пришлось выбить. После чего капитана, старпома и политработника, не оставивших попыток натравить на пограничников рыбаков, изолировали от остальной команды судна.

Большая часть команды в этот момент спала, что сыграло на руку осмотрной группе.

Позже рыбаков заблокировали в жилых помещениях на корме. Большая часть из них смутно представляла, что происходит на судне до тех пор, пока в иллюминаторах не появился российский берег.

Управление шхуной взяли на себя моряки «Дзержинского». Они заменили корейцев и на ходовом мостике, и в машинном отделении. Когда шхуна в тандеме с ПСКРом начала уходить, к ней с разных сторон бросились мотоботы. Они силились догнать шхуну, не понимая, куда и зачем она уходит, не приняв уловов. К тому времени на борту корейского судна уже находились 20 тонн добытого в российских водах кальмара...

После четырех задержаний «Дзержинского» желающих вести промысел в российских водах побавилось и среди корейцев.

Серьезные инциденты с промысловыми судами КНДР случались и ранее, не исключая советский период.

Весной 1984 года в районе Северных Курил задержали три северокорейские шхуны, которые вели промысел лосося дрифтерными сетями. Правда, вскоре нарушителей пришлось отпустить. Соответствующее распоряжение пришло из Москвы. Кремль не захотел портить отношения с Пхеньяном, который находился под большим влиянием Китая. КНДР любой незначительный конфликт с Советским Союзом мог подтолкнуть к еще более тесному альянсу с Пекином, с которым в те годы у СССР отношения продолжали оставаться непростыми.

Владимир СЛАБУКА